
Электронная книга

Лев Бондарев

Статьи и воспоминания

Москва 2016

Лев Бондарев

Научно-популярные
статьи Льва Георгиевича
Бондарева

Статьи Л.Г. Бондарева

Предлагаем вашему вниманию научно-популярные статьи написанные Львом Георгиевичем Бондаревым.

Они показывают широту и географию интересов автора.

1. Деяния Особого отдела по уничтожению океанов
2. Москва и Россия в 2892 году
3. Неутомимый труженик
4. Марны и Вердены в ледяном пространстве
5. Герои, остановившие чуму

Деяния Особого отдела по уничтожению океанов

Печатается впервые.

В 20 век человечество вступило с автомобилями, самолетами, железобетоном, электричеством, радиосвязью. Ощущение всемогущества техники будоражило многие умы. В «Гиперболоиде инженера Гарина» А. Толстого люди вспарывают земную кору, а в «Тоннеле» Б. Келлермана прокладывают путь из Европы в Америку под дном Атлантического океана. Этакое суперметро. В романе Дж. Книттеля «Амадеус» пропагандировался реальный проект немецкого инженера Германа Зергеля, который предлагал перегородить высокой плотиной Гибралтарский пролив и осушить четверть Средиземного моря.

На фоне этих и других книг выделяется проект полнейшего изменения облика земного шара, изложенный на страницах журнала «Сибирская природа». Он издавался Западно-Сибирским

отделом Русского географического общества и теперь относится к раритетам отечественной периодики. В 1922 г. в Омске вышли два номера журнала и на этом его издание прекратилось.

Второй номер открывается очерком Б.П. Вайнберга «К двухдвухтысячелетию начала работ по уничтожению океанов». Фантастика стилизована под сухую информационную статью, написанную в 220 веке. Автор напоминает, что с 1943 года все важнейшие проблемы международной жизни рассматривались Комитетом улучшения земного шара, куда входили представители всех стран. Тогда же произошел переход к использованию гелиоэнергии. В 1949 г. в Сахаре была построена первая солнечная станция, а через полстолетия их было уже 12. Средняя мощность каждой была 7 млн кВт. В начале 21 в. повсюду стали внедрять небольшие («крышевые») гелиоустановки индивидуального пользования.

В конце XX в. население Земли достигло 4,5 млрд. человек. Стал ощущать дефицит пашни и удобных для расселения земель. В ближайшие десятилетия проблема неизбежно должна была еще более обостриться, и тогда взоры обратились к Мировому океану, занимавшему три четверти поверхности Земли.

А что, если превратить море в сушу?

В 2007 г. был создан Особый отдел по уничтожению океанов. К 2025 г. в него поступили несколько сотен различных проектов. Все они тщательно изучались. В 2048 г. обнародовали программу работ. Было решено заполнить все глубины свыше 3000 м водонепроницаемыми бетонными ящиками. Перед погружением

они заполнялись водой. Так создавалось прочное основание для последующего наращивания искусственной суши.

Но главная идея заключалась в том, чтобы увеличить емкость океанических впадин и тем самым снизить уровень Мирового океана, стянув воду в искусственные углубления. Выемки предполагалось устраивать в относительно слабо заселенных районах.

Всемирный референдум одобрил намеченную стратегию.

Первую пробную выемку (ей не был присвоен номер) сделали в Северной Канаде. Она занимала площадь 10x10 км, а глубина была 4 км. В 2301 г. началось сооружение выемки, расположенной на севере Азии. Через 84 года сюда направили сток Енисея и Лены.

Затем подобные впадины возникли на севере Европы. Швеция, Норвегия и Финляндия перестали существовать. При эвакуации населения некоторые здания, имевшие историческую ценность, перемещались целиком по рельсовым путям.

В конечном итоге, к 3741 г. было создано почти сплошное котловинное кольцо между 60° и 80° с. ш. Вынутый грунт шел на засыпку акваторий с бетонными фундаментами на трехкилометровой глубине, а также использовался для возведения временных насыпей в сохранившейся части Северного океана. Они делили акваторию на изолированные отсеки. Из них поочередно откачивали воду, углубляли и вновь заполняли водой.

К 5012 г. замкнулась кольцевая плотина вдоль 60° с. ш. Севернее этой границы поверхность материков и морского дна была снижена человеком в среднем на 3 км. Огромные массы горных пород были перемещены к югу для засыпания мелководий и надстройки фундамента из бетонных ящиков. В обратном направлении перекачивалась морская вода. В южном полушарии работы велись теми же методами, но закончились позднее. Кольцевая плотина по 50° ю.ш. была готова только к 8428 г.

Перемещение большого объема вещества сказывалось на степени устойчивости земной коры. С учетом этого была организована служба наблюдения за напряжениями в литосфере. Иногда, по рекомендациям сейсмологов, работы в том или ином районе прекращались на десятки и сотни лет, пока не устанавливалось устойчивое равновесие.

Но избежать катастроф не удалось. Крупная «поломка земной коры» произошла в 2826 г. Параллельно юго-западному берегу острова Суматра на протяжении более 300 км образовалась гигантская трещина, вдоль которой произошли сильнейшие вулканические извержения. Вода в море кипела. Землетрясения разрушили все города Зондского архипелага.

К счастью, по рекомендации сейсмологов все население заблаговременно эвакуировали. Но жертвы были. Тысячи любопытствующих на самолетах устремились к месту катастрофы ради экзотического зрелища, многие из них попали в раскаленные облака вулканических взрывов. Они погибли как мотыльки, летящие на огонь.

Итак, человечество 6 тысяч лет решало одну главную задачу – уничтожение океанов. За это время был сnivelирован рельеф в пределах ойкумены. Средний уровень выровненной искусственной суши расположился на километр ниже прежнего уровня моря. Великие реки водопады, озера остались в воспоминаниях. Поверхностные водотоки стали дренажными канавами.

Остатки Мирового океана в приполярных широтах, подпруженные кольцевыми дамбами четырехметровой высоты, превратились в ледниковые щиты. Планетарная хирургия полностью изменила лик Земли.

Что же получило человечество взамен? Сплошной массив для заселения – 416,7 млн. кв. км – втрое больше ой площади, которая имела до начала великих работ по уничтожению океанов. В середине восьмого тысячелетия население достигло 5000 млрд. человек. Но еще в конце 22 в. была решена проблема искусственно синтезированной пищи, и люди перестали нуждаться в хлебных нивах, огородах и пастбищах. Средняя плотность населения составляла 1200 чел./кв. км. В современном мире такая величина характерна для «одноэтажной Америки» – пригородов больших американских городов.

Интересно, что в «Размышлениях натуралиста» академик В.И. Вернадский дважды упомянул публикацию Б.П. Вайнберга, назвав ее «любопытной утопией». Он заметил при этом, что человек уже отвоевывает землю у моря (Нидерланды), и что в будущем интерес к этой проблеме будет усиливаться.

В наше время, когда признается необходимость тщательно продуманного, «мягкого» управления окружающей средой, в

уничтожении океанов можно увидеть пародию на прежнюю доктрину покорения природы.

.... 8 декабря 1976 г. газета «Советская Россия» опубликовала небольшую заметку, которая заставила вспомнить утопию Вайнберга. Заметка называлась «Горы на слом». Суть ее такова. Горы, занимающие сердцевину японских островов, предлагается скрыть и переместить в море. В неприкосновенности останется только священная Фудзияма. Площадь Страны восходящего солнца увеличится вдвое, что даст колоссальный экономический эффект. При современном техническом уровне осуществление проекта займет 200 лет. Кто его автор, остается загадкой.

Безусловно, для выполнения такого радикального проекта время еще не пришло, тем более, что возможные отрицательные последствия его осуществления могут быть весьма значительными. Достаточно сказать, что перераспределение больших объемов горных пород приведет к активизации сейсмических процессов.

Но, преследуя более ограниченные цели, японцы уже развернули наступление на море. Первый опыт был приобретен еще в ХУ11 в., тогда в бухте Нагасаки для голландских купцов насыпали искусственный остров.

Ныне создание искусственной суши механизировано. Ковши экскаваторов вгрызаются в каменный склон, грунт переносится на ленту транспортера и ссыпается в морское мелководье. В Осацком заливе близ г. Кобе использовался транспортер длиной 8 км. Каждый час он переносил 7500 т. грунта. В этом случае проектировщики сумели «убить сразу двух зайцев» –

получить суше вместо воды и ровные, удобные для застройки участки на берегу.

Строительный материал для островов отчасти поступает с мусороперерабатывающих заводов, ежегодно сжигающих многие тысячи тонн отходов. Тепло используется для выработки электроэнергии. Золу и несгоревшие вещества после изъятия металла прессуют в блоки объемом в кубический метр. Они опутываются проволоочной сеткой и получают облицовку из битума и цемента.

Создано немало искусственных островов, особенно близ крупных портов. Только в Токийском заливе их насыпано более двадцати. К этому побуждает высокая стоимость земли в городах. Полученная суша используется для строительства причалов, аэропортов, размещения промышленных предприятий, в меньшей степени – для жилья со всей сопутствующей инфраструктурой. Специально для Всемирной выставки ЭКСПО-75 близ берегов Окинавы был построен остров Акваполис.

На насыпном острове Касаманда планируется размещение атомной электростанции 10 млн. кВт. Тепловые отходы предполагается использовать для выращивания трески и съедобных моллюсков. Отгороженная от остального моря акватория может дать до 100 тыс. т. рыбы в год.

С берегом острова связаны мостами со скоростными автострадами и железнодорожными линиями, а также подводными тоннелями.

Сколько нужно времени, чтобы «сделать» остров? В заливе Осака остров Рокко (583 га; ему присвоено название горного массива,

откуда брали грунт) отсыпали 20 лет (1971-1991). Там же аналогичный «строительный объект» площадью 436 га, предназначенный для морского порта, был подготовлен за 15 лет (1966-1981). Всего три года (1970-1973) длилась отсыпка острова Огидзима в Токийском заливе, где потом разместился металлургический комбинат.

Архитектор Кисо Курокава проектирует самый большой насыпной остров для Токийского залива площадью 50 тыс. га. Для него потребуется 840 млн. куб. м грунта и 70 триллионов иен. Население острова может составить 7 млн. человек. Сейчас в области создания искусственной суши Япония «впереди планеты всей». Наступление на океан продолжается.

Москва и Россия в 2892 году

Чудеса и приключения. 1997. № 2.

В 1892 году русский фантаст Николай Николаевич Шелонский, имя которого ныне едва ли известно не только широкому кругу читателей, но и специалистам по научной фантастике, издал объемный роман «В мире будущего». В нем живописались события, происходящие в 29 веке. Не дожидаясь сроков, назначенных писателем, полюбопытствуем, что из его пророчеств осуществилось не через тысячу, а всего через сто лет.

Один из персонажей романа – изобретатель Виктор Поярков рассказывает главному герою Яблонскому: «Те вещества, которые мы считали неразложимыми, на самом деле разложимы». И этот распад сопровождается выделением огромного количества энергии, которую можно использовать. Созданный воображением автора воздушный корабль, работающий на «нестабильной» материи, совершает полет к Северному полюсу!

Прошло всего десять лет – и Э. Резерфорд и Ф. Содди ввели понятие «дезинтеграция элементов», позднее замененное термином «радиоактивность». Спустя три десятка лет Г. Уэллс нафантазировал атомную бомбу, а проекты атомолетов относятся уже к нашим дням. Техническое пророчество Шелонского реализовалось в своих основных чертах всего через пятьдесят лет.

А вот как географ Шелонский оказался менее точен. По его представлениям, в районе Северного полюса расстилается равнина, а не усеянная льдами океанская гладь. Но трудно упрекать писателя в ошибке: только в 1900 году американец Роберт Пири вышел к мысу Морисс Джессуп – самой северной точке крупнейшего на планете острова Гренландия. До этого исключать, что Гренландия тянется до самого полюса, было нельзя.

Попав в район Северного полюса, герои романа проникают в гигантскую подземную полость с озерами, реками, допотопными животными и растениями (как тут не вспомнить появившуюся много лет спустя «Плутонию» В. Обручева!). После невероятных приключений они впадают в летаргический сон и просыпаются в 2892 году. Перед ними открывается удивительный мир третьего тысячелетия...

В этом далеком будущем россияне не знакомы с урбанистическими проблемами, с шумом, стрессом, скученностью, негодной питьевой водой, пылью и грязью. В России нет городов. Повсюду одна и та же картина: там и сям в пределах видимости разбросаны

отдельные дома, между которыми простираются тщательно обработанные поля, сады, рощи.

Точно так же выглядит и территория Москвы. Там, где когда-то было скопление каменных зданий и царил вечный шум на заполненных народом улиц, в 2892 году раскинулись парки, сады и цветники. Среди зелени высятся Кремль, храм Христа Спасителя и другие архитектурные и исторические памятники. Над всем доминирует беломраморный Собор всея Руси, строительство которого завершилось в середине 29 века. Несмотря на огромные размеры, акустика в храме великолепна.

Патриархальная семья из 300 человек владеет усадьбой площадью в 15 десятин (16.4 га). Из них 6 десятин занимают постройки, а остальные 9 дают в избытке все необходимое. Получается, что на одного человека приходится чуть больше трех соток; можно представить себе, какова урожайность!

Пробудившиеся через тысячу лет герои романа ведут бесконечные научные беседы со своими более просвещенными коллегами. Они узнают, в частности, что помимо твердого, жидкого и газообразного состояния вещества возможно его четвертое состояние – «лучистое», когда уничтожаются молекулярные связи и освободившиеся атомы образуют динамическую связь с «наполняющим промежутки электри-чеством». Шелонский предсказал плазму!

Побеждена гравитация. Люди способны летать без всяких аппаратов. Мысли передаются на расстояние посредством волевого усилия. Дома построены, главным образом, из прессованного серебра. Толщина стен не более 2 вершков (8.9 см).

Благодаря волокнистой структуре материала жилища не нагреваются в жаркие дни и не переохлаждаются зимой. Из такого же серебра построены воздушные сигарообразные корабли. У них нет ни крыльев, ни пропеллеров, ни рулей; используются свойства геомагнитного поля. Электрические токи устраняют притяжение Земли и дают направление полету. (Заметим, что английский писатель-фантаст и популяризатор Артур Кларк писал 35 лет назад об осуществимости управления гравитацией к 2050 году). Климат в районе Северного полюса изменен с помощью аккумуляторов солнечной энергии.

В остальном техника далекого будущего – по Шелонскому – не вызывает удивления у современного читателя. Прогнозы Шелонского реализовались за неполные сто лет. Телефот (телевизор по-нашему), звукозапись, электропечь, электро-массежер, всеобщая телефонная и телефоническая связь, механическая карета (автомобиль), аппарат для мытья посуды, получение фотоизображения сразу на бумаге без негатива и проявления, ксерокопирование, оконные стекла, не позволяющие видеть с улицы, что делается внутри, – все это мы знаем.

Искусственные острова, о которых писал Шелонский, давно строят в Японии. Кстати, на таком острове расположен новый Токийский международный аэропорт. У Шелонского сверх-звуковой воздушный корабль преодолевает 1500 верст в час. В середине 1960-х годов истребители-перехватчики достигли вдове большей скорости. Беспроволочный телеграф в мире будущего так и не был открыт; все населенные пункты связаны проводами. Хотя до изобретения радио оставались считанные годы...

Но не об одной только технике писал Шелонский. Его интересовали вопросы организации общества, нравственные проблемы. В эпилоге он подчеркивает, что изображал будущее российское общество сообразно со своими представлениями об идеале личного счастья. Он пишет: «Необходимым условием счастья является свобода и независимость личности. Следовательно, и прежде всего, человек не должен подавляться борьбой за право существования, быть рабом труда. Только наука может дать человеку средства при наименьшей затрате труда получить наибольшее обеспечение, не убивать всех своих сил на добывание необходимейших для существования средств. Несомненно, что рано или поздно наука дойдет до этого результата. Но раз человек в состоянии будет производить все сам, он перестанет нуждаться в какой бы то ни было посторонней помощи, станет независимым, что не в состоянии сделать ни одна из искусственных, а тем более коммунистических или социалистических, часто поразительных по своей нелепости и зловредности теорий. Таким образом, идея человеческого счастья заключается в свободном труде и независимости».

Именно к такому идеалу пришли россияне в конце третьего тысячелетия. Их независимость не имеет ничего общего с индивидуализмом. Напротив, они неизменно доброжелательны и гостеприимны (за тысячелетие не забыт обычай подношения хлеба-соли), всегда готовы прийти на помощь. Это ощутили люди из 19 столетия: они были окружены таким заботливым вниманием, которое можно найти только в семье. Религиозная нравственность – высшая ценность. Любопытно, что на страницах романа, посвященных будущей России, ни разу не упомянуты деньги.

Люди охотно общаются, особенно внутри родственных кланов. По торжественным дням все собираются вместе. Огромные патриархальные семьи насчитывают до 2 тысяч человек. Чтобы избежать повторения имен, к ним добавляют имена отца, деда и прадеда, а к одинаковым фамилиям прибавляются уточнения по месту жизни. Природой дорожат, и везде, где возможно, не изменяют ее искусственно.

Техника в конце третьего тысячелетия достигла таких успехов, что оказалось излишним существование фабрик и заводов. Каждый делает для себя все, что ему необходимо, включая книги. Этакое натуральное хозяйство с электричеством, телевизорами и летательными аппаратами! Трудятся в мастерских, где нет громадных колес, сложных механизмов, шума и грохота – атрибутов промышленного производства XIX века. Простые и остроумные устройства позволяют быстро и аккуратно выполнять работу. Подготовительный курс, который необходимо усвоить, чтобы быть способным к самостоятельному труду, ориентируется на детей от пятилетнего возраста до 10 лет.

Трудовой специализации нет. Каждый – пахарь, каждый – строитель. Нет профессиональных оперных артистов и церковных певчих. Еду готовят по очереди, не делая из нее культа. Посередине длинного обеденного стола проложены два ряда рельсов для подачи пищи и уборки грязной посуды. (Значительно позже в романе советского фантаста Г. Адамова «Тайна двух океанов» подобная «узкоколейка» действовала на борту подводной лодки «Пионер»).

Каждый – врач, и поэтому люди болеют редко. Лечат не болезни (их почти нет), а обновляют, восстанавливают организм. Все

вегетарианцы. Никто не пьет и не курит, в карты не играют. Продолжительность жизни в среднем полтораста лет, но многие живут до двухсот лет и более.

Шелонский не знал слова «акселерация», да и никто в мире век назад не слыхивал о подобном. Но тема эта в романе затронута. При первой же встрече с людьми будущего Яблонский и его спутники обратили внимание на высокого статного юношу. На вид ему можно было дать 20 лет, но оказалось, что он 12-летний! Причина – хорошие условия жизни. Шелонский писал об акселерации за четыре с половиной десятилетия до того, как Э. Кох (в 1935 г.) констатировал явление. С другой стороны, в мире будущего много молодых людей преклонного (в нашем понимании) возраста. Атлетически сложенному отцу упомянутого акселерата на вид можно было дать лет 35-40, а на самом деле ему было 86.

В эпилоге читатель узнает, что приближается решение проблемы создания искусственной пищи, ее синтеза из неорганических соединений. Таким образом, по существу, предложена проблема, которую через четверть века высказал В.И. Вернадский, идея автотрофности человечества.

Каким видел Шелонский остальной мир через тысячу лет? Все население земного шара составляет 4 млрд. человек (эта цифра была достигнута в 1976 году). В России живут 800 миллионов человек. Все способности жителей Соединенных Штатов направлены на решение прагматических проблем. Китай завоевал Южную Америку. Индия еще в первой половине XX века освободилась от британского владычества. (Браво! Независимость Индии была провозглашена в 1950 году). Австрии и Германии как

империй больше нет. Первая часть прогноза сбылась, как мы знаем, удивительно быстро. Австро-Венгрия распалась через неполные 30 лет. Да и с Германией после второй мировой войны могло бы произойти то же самое – вспомним, что в 1943 году на Тегеранской конференции У.Черчилль выдвинул план ее расчленения на несколько государств, но Сталин эту идею не поддержал. Много внимания уделено Англии. Она потеряла все колонии. Во время войны с Францией в 2391 году был уничтожен тоннель под Ла-Маншем (год строительства тоннеля не указан) и взорван мост через пролив. В противоположность России Англия в конце третьего тысячелетия представляла собой сплошной фабричный город, абсолютно лишенный зелени. Пневматический транспорт заменил старое метро. Человек в капсуле преодолевает 40 верст за несколько секунд.

В Англии существует борьба партий, но ни одна из них не заботится о благе народа. Все они рассматривают его как материал для всевозможных экспериментов, для проверки различных теорий. Палата общин упразднена. Все повседневные заботы связаны с деньгами. Процветает тот, кто умеет находить способы их легкой добычи. Жизнь дорожает. Редакции газет, чтобы не разориться, прибегают к побочным заработкам, например, организуют агентства по заключению браков. На перекрестках стоят нищие.

Народная нравственность падает. Процент преступности, несмотря на все карательные меры, возрастает с ужасающей быстротой. Нет ничего «непокупного» (так у Шелонского). Некоторые деяния, считавшиеся раньше преступными, стали ненаказуемыми, например, злоупотребление доверием. Если

присваиваются чужие деньги, отданные в виде ссуды и т.п., то ни один суд не усмотрит в этом состава преступления. Напомним, что все это – описание Англии 2892 года, хотя читателям нынешней России многое может показаться до боли знакомым...

Шелонский не стремился стать русским Ж. Верном. Он переориентировался на исторический жанр, написав романы «Крестоносцы», «Севастополь в осаде» и некоторые другие. Проявил он себя и как популяризатор. В 1897-1898 годах в серии «Народно-школьная библиотека» были изданы его брошюры, посвященные Амурскому краю, Сибири и Уралу. С тех пор имя его оказалось прочно забыто даже специалистами. Как часто бывает, Отечество наше оказалось поразительно равнодушным к своим талантам. А ведь в любой европейской стране имя такого писателя пользовалось бы широкой известностью и уж по крайней мере заслужило бы упоминания в национальных биографических словарях...

Неутомимый труженик

Живописная Россия. 2000. № 4.

Лев Ильич Мечников – старший брат знаменитого бактериолога – родился в 1838 г. в Петербурге. В 12 лет он был определен воспитанником в привилегированное Училище правоведения, но два года спустя, по приговору врачей ему пришлось покинуть туманную столицу с ее промозглыми зимами. Диагноз был нешуточный: воспаление тазобедренного сустава. Год подросток провел в родовом имении Панасовка на Полтавщине. Щедрое солнце и чистый воздух сотворили чудо. От болезни не осталось и следа.

Гимназию Лев закончил в Харькове, обнаружив великолепные способности и склонность к авантюрам. В гимназическом саду он стрелялся на дуэли по всем правилам и получил неопасное ранение в руку. Позже бежал в Молдавию, но был возвращен. Дело в том, что предки Льва Ильича, румыны по национальности, происходили из старинного знатного рода. Они переселились в Россию при Петре I. Семейные предания внушили беспокойному

подростку мысль, что он имеет права на румынский королевский престол. Тогда же неудача: побег в осажденный Севастополь.

Покинув стены гимназии, Мечников начал «смотр учебных заведений Российской империи». В возрасте 16 лет он поступил на медицинский факультет Харьковского университета, проучился всего несколько месяцев и отправился в Петербург.

В столице непоседа стал студентом Медико-хирургической академии, но из-за появившегося «отвращения к анатомии» вскоре забрал документы назад и подал прошение о зачислении на факультет восточных языков университета, на Арабско-персидско-турецко-татарское отделение. Одновременно он изучал все важнейшие европейские языки, посещал классы в Академии художеств и был вольнослушателем Физико-математического факультета. При феноменальной памяти и редком трудолюбии учение давалось ему легко.

В 1858 г. в жизни Мечникова последовал новый неожиданный зигзаг. Его увлекли дальние странствия и он, имея за плечами всего три семестра учебы в университете, устроился переводчиком с восточных языков в миссию Б.П. Мансурова. Член Государственного совета генерал Мансуров был командирован в святые места Ближнего Востока в целях приобретения участков земли и устройства богоугодных заведений для русских паломников, приезжающих в Палестину.

Деятельность Мечникова в миссии оказалась недолгой. События развивались так. Мечников нарисовал карикатуру на руководителя миссии. Нашелся «доброжелатель», который сообщил

Мансурову имя автора. «Доброжелатель» получил пощечину от Мечникова. Последовали дуэль и увольнение переводчика.

После этого Мечников некоторое время был агентом «Русского общества пароходства и торговли», которое занималось перевозками грузов и пассажиров в Черном море и в восточной части Средиземного моря. Побывал в Каире, Малой Азии, на Дунае. Но купля-продажа мало интересовали Мечникова. Иное дело – живопись. Он решил посвятить себя искусству и почти без денег и без паспорта перебрался в Венецию (где стал учеником какого-то художника) и вступил в гражданский брак.

Шел 1860 год. Италия переживала сложные времена. Нарастала борьба против австрийского владычества. Мечников – искатель правды и справедливости – на стороне угнетенных и обездоленных. После высадки Гарибальди в Сицилии он включается в борьбу за свободу Италии и делает попытку организовать Славянский легион. Эти замыслы стали известны австрийской тайной полиции. Нависает угроза ареста, но в последний момент ему удается ускользнуть. Мечников бежит в Ливорно и становится там волонтером-гарибальдийцем.

Его деятельность привлекает внимание лиц, которым вменялось в обязанность наблюдение за эмигрантами из России. Волконский – посланник в Королевстве обеих Сицилий – так охарактеризовал Мечникова в донесении министру иностранных дел: «... образованный безумец, республиканец, красный, крайне опасный человек».

1 октября 1861 года Мечников был тяжело ранен в сражении на р. Вольтурно, севернее Неаполя. Его положение было почти

безнадежным, но заботливый уход друзей, в том числе Дюма-отца, спас ему жизнь. Следы полученных тогда ран он ощущал до конца дней своих, ходил с тростью, а иной раз передвигался на костылях.

В 1863-64 гг. Мечников выполнял конспиративные поручения Герцена, организовал канал переправки «Колокола» из Ливорно в Россию. Такая жизнь достойна телевизионного сериала!

В 1865 г. Мечников переехал из Италии в Швейцарию. Там он сблизился с русскими эмигрантами – социологами, художниками, анархистами – и некоторыми деятелями Первого Интернационала (Кропоткин, Бакунин, Прудон). Начался период его исключительно активной литературной деятельности, в первую очередь страноведческий. Он пропагандирует социалистические идеи, пишет статьи философского, исторического, экономического содержания, занимается переводами (знал десять европейских языков). Под разными псевдонимами сотрудничает в десятках русских и иностранных журналов. Его критические статьи знакомили российскую публику с новинками художественной литературы Запада – романами В. Гюго, О. Бальзака, Э. Золя и др. В журнале «Современник» он опубликовал повесть «Смелый шаг» о том, как молодая женщина уходит от мужа-золото-промышленника к бедному студенту. Это автобиографическая повесть.

Работал Мечников много, быстро и в любой обстановке. Писал, как правило, без черновиков, сразу набело и, не прочитав написанный текст, сразу переключался на другую работу. Любопытно, что, работая в комнате, где громко разговаривают, он иногда ненадолго включался в беседу или реагировал на нее

репликами. Всего им написано более 400 работ разного жанра общим объемом около тысячи печатных листов.

...Во второй половине XIX в. на путь важных перемен стала Япония. К этому времени жители Страны Восходящего солнца убедились, что самоизоляция вредна, ибо «лягушке на дне колодца неведом океан». Изоляция была отброшена, рухнул «бамбуковый занавес». Страна стала на путь просвещения и усвоения зарубежного технологического опыта. Часы стали отсчитывать время эры Мэйдзи («Просвещение»). Впервые после более чем двухсотлетнего перерыва у японских берегов появились торговые корабли других стран.

Судьба улыбнулась Мечникову. В числе других профессоров из Европы он получил приглашение от японского министерства народного просвещения прочитать лекции в только что открытом университете в Эдо (современный Токио). Мечников принял это предложение, оговорив, что ему нужно время для изучения японского языка. За год он в совершенстве овладел языком. Разговорную практику он получил в Париже, регулярно общаясь с Ивао Оямой, который тридцать лет спустя командовал японскими сухопутными силами в Русско-японской войне.

Поездка в Японию состоялась в 1874 году. Мечников преподавал в Токийской школе иностранных языков (ныне – Токийский университет иностранных культур). В Японии он пробыл около двух лет. Состояние здоровья (малокровие и туберкулез) заставило его вернуться к привычному европейскому климату (через Сан-Франциско, Панамский канал Кюрасао-Гавр-Париж). С собой он привез рукопись «Японская империя» – 700 страниц

текста (!), карты, фотографии и рисунки, выполненные автором в японском стиле.

Труд этот вышел из печати в 1881 г. В один день Мечников стал известным ученым-ориенталистом. Пришло признание. Французский географ-энциклопедист Элизе Реклю пригласил его принять участие в работе над многотомным изданием «Всеобщая география. Земля и люди» в качестве секретаря издания, а позже Невшательская Академия наук предложила заведовать кафедрой сравнительной географии и статистики в Лозаннском университете.

Главный труд Мечникова, оставшийся незавершенным, - «Цивилизация и великие исторические реки». Основная мысль автора – судьбы народов в большой степени зависят от физико-географических условий. Туманы и морские течения, омывающие Британские острова, оказались покровителями и защитниками англичан от ярости испанского католического короля Филиппа II. Альпы были защитой швейцарских крестьянских коммун.

Но особо важную роль в возникновении и развитии цивилизаций сыграли такие реки, как Нил, Тигр, Евфрат, Инд, Хуанхэ. Реки – удобные транспортные пути. Большой объем стока позволяет оросить обширную территорию и при культивировании злаков прокормить значительное население. Большие людские ресурсы способны выполнить огромный объем мелиоративных работ. Однако при наводнениях, сопровождаемых разрушением защитных плотин, река-кормилица может обратить свои берега в болота, усеянные трупами бесчисленных жертв. Такие потопа – предупреждение человеку, потому что их причиной может быть «простая леность, эгоизм одного человека или небольшой группы

их, при общей работе над коллективным богатством – драгоценной влагой – и общественное бедствие, непоправимое несчастье готово». Река как бы напоминает о необходимости постоянной трудовой дисциплины. «Смерть или солидарность» – эти слова завершают книгу о великих реках.

Дальнейшее развитие человечества Мечников видел в переходе от речных цивилизаций к цивилизациям внутренних («средиземноморских») морей, а затем – к океанической цивилизации, которая началась с открытием Америки.

Сбываются мысли Мечникова о развитии всемирной океанической цивилизации. Этот процесс выражается в повсеместной концентрации населения в относительно узких полосах вдоль морских берегов, где расположена значительная часть крупнейших городов мира. Берега меняют свой облик. Они захватываются причалами, волнорезами, противоабразионными устройствами. В Италии такие техногенные берега занимают 28% от общей протяженности береговой линии, в Англии – 38%, в Японии – 51%.

Мировой океан стал планетарной транспортной системой, которая обслуживается десятками тысяч кораблей. Он – источник энергии (приливные электростанции), пищи, сырья (нефть на шельфе, железомарганцевые конкреции), пресной (!) воды. Из морской воды добывают магний, уран, бром и др. Испытываются первые подводные дома.

Мечникову не довелось увидеть свою книгу напечатанной. В июне 1888 г. за несколько дней до смерти он передал рукопись Э. Реклю, который обещал ее издать. Книга вышла в свет в Париже в

1889 г. Первое издание на русском языке относится к 1889 г., последнее – к 1995 г.

По своим взглядам Мечников примыкал к анархистам. Прогресс общества он видел в переходе от деспотизма и власти к свободе воли, т.е. к анархии, самостоятельности отдельных личностей, свободным соглашениям, взаимопомощи и кооперации. Мы видим здесь много общего с идеями П.А. Кропоткина.

Нельзя не обратить внимания на удивительную прозорливость Мечникова в отношении российского природопользования. В 1876 г. он писал в журнале «Дело»: «...Наше настоящее в действительности вовсе не так умирительно, как его рисуют нам кисельные публицисты. Никаких неисчерпаемых богатств у нас за душой нет, и само пресловутое сибирское раздолье может быть исчерпано очень скоро».

Другая выдержка из того же источника: «Мы своим хищническим отношением к естественным богатствам родины успели истощить плодороднейшие от природы поля, не добившись даже того уровня материального благосостояния, который мог бы кое-как обеспечить средним числом тридцать человек, разбросанных на квадратной версте».

Эти слова кажутся написанными сегодня.

Марны и Верден в ледяном пространстве

Чудеса и приключения. 1998. № 3.

«Бой повсюду пойдет, на земле, на воде и в невидимой области духа», - писал некогда Аполлон Майков о грядущих мировых войнах. Но, как выяснилось, стихия войны оказалась гораздо шире, чем это представлялось поэту. В первую мировую войну боевые действия охватили не только землю и воду; человечество впервые познало воздушную, подводную и ПОДЛЕДНУЮ войну... Уникальным эпизодом военной истории стала война внутри ледников в Восточных Альпах в 1915-1918 годах.

Австрийские горные егеря и итальянские альпийские стрелки – альпинисты – действовали небольшими группами. Шла борьба за перевалы и отдельные вершины, откуда далеко просматривались долины. Прозрачный воздух скрадывал расстояния.

Первая военная зима показала, что потери в войсках были связаны не столько с боевыми действиями, сколько с суровой высокогорной природой. Солдаты гибли при переправах через

горные реки, попадали под камнепады и лавины, замерзали. Блиндажи плохо защищали от холода, а легкая одежда – от пронизывающего ветра.

Самой ужасной была вторая военная зима – 1916/17 года. В декабре выпал слой снега в несколько метров. Затем установился фён – нисходящий сухой ветер. Он принес потепление, и повсюду сошли со склонов гигантские лавины. Всего за два дня – 12 и 13 декабря – только на австрийских позициях погибло не менее шести тысяч солдат. Пожалуй, жертв было существенно больше, чем сообщалось официально, ибо военная цензура стремилась утаить истинный объем катастрофы. Снегом завалило целые роты и батальоны. Когда откопали погибших, то у многих из них руки были ободраны до костей. Пленники «белой смерти» боролись до конца, стараясь выбраться из-под снега...

Военные историки считают, что в горах на австрийско-итальянском фронте две трети потерь были вызваны катастрофическими природными явлениями и только одна треть – боевыми действиями. Минимальное число погибших от лавин с обеих сторон около 60 тысяч, а по другой оценке – 100 тысяч.

Весной 1916 г. инженер Лео Хандль из Инсбрука предложил способ сделаться невидимыми для врага и найти убежище от лавин, бурь и снарядов: уйти внутрь ледников, пронизать их штольнями, тоннелями, пещерами, устроить в тоще льда укрытия для живой силы, склады, командные пункты.

Вторжение в мир льда началось. От применения взрывчатки пришлось отказаться: из-за плохой вентиляции скоплялись

ядовитые газы. Лед рубили топорами и кирками. Нередко внутри ледников встречались широкие трещины. Через них прокладывали деревянные мостки. На таких участках удобно было высекать большие пещеры, врезаясь в боковую стенку трещины и сбрасывая вырубленный лед вниз.

По термическому режиму альпийские ледники относятся к «теплым». Их температура во всей толще близка к нулевой. Следовательно, укрытие от зимних холодов было достаточно надежным.

Лед сочетает в себе свойства хрупкого тела и очень вязкой жидкости. Поэтому строителям внутриледниковых укрытий приходилось работать в условиях непривычных и очень сложных. Периодически обваливались ледяные блоки, возникали и расширялись трещины, прогибалась кровля, разрывались телефонные провода, рушились мостки, перекинутые через провалы. Порой переохлажденная вода прорывалась из полостей, находящихся внутри ледников, затапливая штольни и тоннели.

Подледная война приобретала внушительные масштабы. Например, только в массиве Ортлер общая протяженность подледных выработок превысила 11 км. Нередко укрытия в толще льда находились на высотах, превышающих три километра. Возникали непростые проблемы с освещением и отоплением всех этих необычных сооружений. Австрийцы к марту 1917 года провели туда электричество.

Итальянцы тоже не дремали. Они приступили к подобным работам и к концу того же года создали в Ортлерских Альпах на высоте около 3150 метров настоящий подледный город. В нем были

лазарет, полевые кухни, склады и могли разместиться две-три тысячи солдат.

Итак, горные егеря и альпинисты жили внутри глетчеров в тесноте и сырости. Одинокие фонари не могли рассеять влажную тьму. В узких проходах едва могли разминуться два человека. Боковые тупики вели в «казармы». Тоннели иной раз поднимались круто вверх и превращались в узкую, как могила, лестницу со скользкими ступенями. Низкие своды действовали угнетающе. Недели проводили внутри льда люди, не видя солнца и звездного неба.

В этом ирреальном мире все подчинялось воинским уставам. Строго соблюдалась субординация. Люди перемещались согласно приказам. Денщики и писари выполняли свои обязанности. Оформлялись документы. Составлялись сводки потерь. Заполнялись наградные листы. На перекрестках тоннелей выставлялись указатели. Иногда итальянские и австрийские штольни разделялись всего десятками метров.

А война продолжалась. Она пришла внутрь вековых льдов. Совершались незаметные тайные подкопы под вражеские позиции. Бывали случаи, когда несколько ошеломленных солдат внезапно проваливались вниз и после короткой рукопашной схватки оказывались во вражеском плену.

В массиве Ортлер в 1917 году в течение всей весны и лета австрийцы вели подкоп под итальянские позиции. Тоннель продвигался на 8-10 м в сутки. Первого сентября в результате внезапной атаки вершина была захвачена. Но горные егеря сумели удерживать ее только три дня. Летом следующего года

проделанным подкопом нельзя было воспользоваться — он был разрушен движущимся ледником.

Другой эпизод «белой войны»: захват австрийцами летом 1918 года вершины Корно ди Кавенто. В этом случае узкий тоннель прошел через весь ледник Ларес до самых его верховьев. Операция прошла успешно. Но через неделю итальянцы решили с применением артиллерии вернуть потерянное, и тут трагическую для австрийцев роль сыграло то обстоятельство, что входы в захваченные ими внутриледниковые укрытия оказались расположенными «лицом к противнику». Артиллерийский огонь прямой наводкой был губительным, и многие австрийцы были погребены в ледниковой каверне под обвалившимся сводом.

В последние месяцы войны на горном участке австро-итальянского фронта противники находились на грани полного истощения. Средний вес австрийских солдат был 48 кг.

А генералы считали горы второстепенным театром военных действий. Главные битвы происходили внизу. Они имели обыденные названия: Десятое сражение на Изонцо, Одиннадцатое сражение на Изонцо... Подледная война, унесшая десятки тысяч жизней, осталась забытой, погребенной в лавине архивных бумаг.

Герои, остановившие чуму

Чудеса и приключения. 1997. № 9.

Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама...
Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

А.С. Пушкин

В истории Москвы немало было трагических и героических страниц. Одна из них – очень яркая – остается не раскрытой до конца по сию пору. Я имею в виду эпидемию чумы и связанные с ней бунты 1771 года.

О том, что это событие было далеко не шуточным, свидетельствуют, в частности, триумфальные мраморные ворота с надписью: «Орловым от беды избавлена Москва», украсившие Царскосельский парк. И выбитая в честь графа Григория Орлова медаль «За избавление Москвы от язвы».

Другим героем, преградившим путь нашествию чумы, был признан отставной генерал-поручик Петр Еропкин, награжденный орденом Святого Андрея Первозванного – первым и высшим орденом Российской империи.

Безусловно, почести и Григорию Орлову, и Петру Еропкину были возданы по заслугам. Они проявили незаурядное мужество, волю и находчивость, спасая Первопрестольную и ее жителей сразу от двух страшных напастей – смертоносной эпидемии и ярости обезумевших толп. Однако был третий – ГЛАВНЫЙ – герой, имя которого осталось и продолжает оставаться в тени. Именно он больше и чаще других рисковал своей жизнью; именно он самым непосредственным образом боролся с чумой и находил средства против нее; именно он испытал на себе издевательства и побои (и это – за подвижнический труд!); именно благодаря ему были спасены от разорения тысячи москвичей...

Впрочем, прежде чем назвать его имя и рассказать о его деяниях, вспомним о том, что же происходило тогда в Москве.

Летом 1770 года с южных границ России поползли тревожные слухи о «моровом поветрии». В ноябре появились первые заболевшие. Лекари поначалу сочли болезнь обыкновенной горячкой. Страшная правда обнаружилась уже в канун нового 1771 года, когда в госпитале на Введенских горах скончались 22 человека. Стало ясно: в город пришла чума!

Деревянное здание госпиталя сожгли, находившихся там больных постарались изолировать. Некоторое время казалось, что бедствия не произойдет. Зимой были зафиксированы лишь единичные заболевания. Но первое же весеннее потепление показало: это было затишье перед бурей. На Суконном дворе за одну неделю марта умерли 130 человек.

Число заболевших стало возрастать с каждым днем. Вымирали целые семьи. Часть монастырей, в их числе Даниловский, Донской, Покровский, были превращены в больницы. В Симоновом разобрали перегородки между кельями и ухитрились расставить более 2 тысяч больничных коек. На улицах появились команды «мортусов» (собирателей мертвецов), составленные из осуждённых преступников. Их головы были закрыты мешками с прорезями для глаз и рта. Мортусы врывались в дома и железными крючьями выволакивали тела умерших на улицу. Трупы закапывали в больших ямах за городом. А живых из тех же домов, как явных, так и сомнительных больных, без разбора отправляли в карантинные дома на срок от 20 до 40 дней. Они пребывали там, по существу, безо всякого ухода и при очень скудном питании. Москвичи боялись карантинных домов не меньше, чем чумы.

Полицейских обязали сжигать всю одежду больных, независимо от того, пользовались они ею или нет. По всей Москве было сожжено

три тысячи зачумленных домов. Никакой денежной компенсации за уничтоженное добро не полагалось. Таким образом, заболев чумой, многие люди теряли все свое имущество, а если и выздоравливали, то в одночасье становились нищими. Тогда люди, «увидя сие установление... стали пожитки укрывать и в другие дома перевозить, а через то час от часу заразительную болезнь по городу размножать, стараясь при том утаивать занемогающих и умирающих».

Умерших стали хоронить тайно в своих дворах, подвалах, огородах. Впоследствии число таких тайных погребений было определено в одну тысячу. Не такими уж редкими были случаи, когда покойников выбрасывали на улицу. Иной раз эти «подкидыши» были раздеты донага. Хотя за подобные ужасные поступки полагалась вечная каторга, искоренить их не могли.

Из-за боязни распространения эпидемии закрыли некоторые мануфактуры и городские бани. Последнее вызвало особенное раздражение населения, поскольку русский человек издавна считал парильню хорошим лечебным средством при всякой хворобе. Карантин вызвал рост цен на продукты питания, что ударило прежде всего по малоимущему люду.

В самый разгар эпидемии в Москву приехал Данило Самойлович – опытный врач, участник русско-турецкой войны. Ему нездоровилось. Однако он без промедления начал работать в трех госпиталях, ежедневно рискуя жизнью. (Из 15 его помощников лишь трое остались в живых к концу эпидемии).

Много раз Самойлович был свидетелем того, как радость выздоровления омрачалась потерей всего нажитого добра. Он

предложил дезинфицировать, а не сжигать зараженные вещи. Было разработано три типа «окуривательных порошков», которые содержали измельченные листья и ягоды можжевельника, серу, селитру, ладан, пшеничные отруби, мирру и другие компоненты.

После обработки таким образом одежды, пропитанной потом, гноем и сукровицей чумных больных, Самойлович первым отважился надеть ее, дабы проверить надежность дезинфекции. Несколько дней спустя подобный опыт повторили на семи преступниках. Никто из них не заболел, и после пребывания в карантине все они получили свободу. Эти эксперименты убедили в надежности дезинфекции. В нее поверили и стали широко применять. В Москве было окурено более 6 тысяч домов.

Однако события разворачивались неуправляемо, быстро и трагично. Эпидемия достигла пика в сентябре. В некоторые дни умирало до 1200 человек. Было немало случаев «молниеносной» чумы, когда от первого озноба до смерти проходили одни сутки. Обычно же критический день был пятый: после него шансы на выздоровление постоянно возрастали.

В Москве не хватало опытных врачей, и многие искали исцеления у сверхъестественных сил. У Варварских ворот Китай-города, где в часовне была выставлена считавшаяся чудотворной икона Боголюбской Божьей матери, с утра до ночи толпился народ. К иконе прикладывались и больные, и здоровые. Служили непрерывные молебны и собирали пожертвования Богоматери на «всемирную свечу». Как писал ученый-публицист А.Т. Болотов, «приношений накидано было целый сундук, тут же подле образа стоявший».

Во избежание распространения заразы митрополит Амвросий распорядился перенести икону в ближайшую церковь, а собранные деньги опечатать для последующей передачи в Воспитательный дом. Эти его действия явились непосредственным поводом для страшного бунта, вошедшего в историю как Чумной.

15 сентября, когда уже начало смеркаться, в разных частях города ударили в набат. Множество людей – дворовые, оброчные крестьяне, рабочие мануфактур, ремесленники, купцы третьей гильдии, отставные солдаты, низшее духовенство – потянулись к Варварским и Ильинским воротам Китай-города. Многие были вооружены дубинами, кольями, топорами. По оценке обер-полицмейстера Бахметьева, который прискакал к месту происшествия, собралось не менее 10 тысяч. Команда, посланная для успокоения народа, была избита. Возбужденная толпа бросилась в Кремль, где в Чудовом монастыре находились покои Амвросия. Не найдя там митрополита (он бежал в Донской монастырь), бунтовщики ворвались в Чудов монастырь, в котором были «окна, двери, печи и все мебели разбиты и разломаны; картины, иконы, портреты... в лоскутки изорваны и ногами потоптаны». Разгромили и винные погреба.

На какой-то момент в Москве образовалось безвластие. Растерянная полиция бездействовала, а генерал-губернатор Салтыков еще до начала описываемых событий удалился в свое имение Марфино. Дворяне и состоятельные люди покидали город.

На второй день бунта на улицах стало еще многочисленнее. В Донском монастыре был растерзан толпой шестидесяти-трехлетний Амвросий. Там же при разгроме карантинного дома

«был бит смертельно бунтовщиками» врач Данило Самойлович (к счастью, он остался жив). Это преступление свидетельствовало о полной неуправляемости разъяренной толпы. Ведь как раз Самойлович спасал москвичей от чумы.

Однако в ночь с 15 на 16 сентября нашелся человек, «самопроизвольно» взявший на себя обязанности московского генерал-губернатора. Это был отставной генерал-поручик Петр Еропкин. Он организовал охрану Кремля. Когда восставшие попытались ворваться в него через Спасские ворота, был сделан предупредительный холостой выстрел из пушки. Никакого вреда нападавшим он не причинил. Те решили, что их защищает Богоматерь, и никакая пуля и пушка их не возьмет. С «великим воплем» они повалили к воротам. В солдат полетели камни и колья. Нападавшие не знали, что были подготовлены пушки с боевыми зарядами. По ним ударили картечью. Солдаты преследовали разбегающихся людей, кололи и рубили их.

Но 17 сентября утром около тысячи человек снова пришли к Спасским воротам. Они требовали выдать им Еропкина, отпустить арестованных, в карантин никого не брать и распечатать бани. Опять была стрельба. Прибывший в Москву Салтыков вывел на улицы Великолукский полк. Подоспели другие части. В считанные дни бунт был прекращен.

26 сентября в Москву прибыла специальная комиссия из Петербурга. Ее возглавляли фаворит Екатерины II граф Григорий Орлов и генерал-прокурор Всеволожский. Орлов сам посещал карантинные дома. Благодаря ему было увеличено число больниц, где улучшился уход за больными. Питание в больницах стало бесплатным. При выписке женатый человек получал 10 рублей,

холостой – 5. Узнав об этом, многие «подпольные» больные стали обращаться к врачам. За работу в лазаретах крепостным давали вольную. Открылись бани. На Таганке организовали дом для осиротевших детей. Увеличился привоз продовольствия. Правительство стало скупать изделия московских ремесленников, не находившие сбыта из-за карантина. В типографии при Воспитательном доме была отпечатана брошюра, содержащая советы, как избежать заражения чумой. Были организованы общественные работы – прокладка дорог и осушение болот в окрестностях Москвы. За два месяца на борьбу с эпидемией была израсходована огромная сумма – около 100 тысяч рублей. Так удалось одолеть московскую чуму.

В течение одного 1771 года население города сократилось более чем вдвое. Чума погубила около 60 тысяч человек. Для погребения жертв эпидемии за Камер-Коллежским валом (тогдашняя граница города) было устроено семь новых кладбищ. В Московском уезде чума затронула более двухсот сел и деревень. Старинное село Пушкино вымерло почти поголовно. Вся Россия, по официальным данным, потеряла 133,3 тысячи жителей, причем сюда не вошли умершие от болезни в армии.

Подробное описание московской эпидемии содержится в книге Самойловича «Рассуждения о чуме, производившей опустошения в Российской империи и особенно в столичном городе Москве», изданной в 1783 году. Эта работа приобрела общеевропейскую известность, выдержала несколько переизданий, а ее автор стал почетным членом десяти академий наук и двух зарубежных научных обществ. В Лейдене Самойлович получил «докторский градус» (защитил докторскую диссертацию).

Данило Самойлович (1744-1805) был из тех людей, которые «создают сами себя». Сын сельского священника из Черниговской губернии, он изучал медицину при Адмиралтейском госпитале в Петербурге. В борьбе с чумой он проявил не только знания и мужество, но и талант исследователя. Правда, качество тогдашних микроскопов не позволяло разглядеть чумную палочку. Однако именно Самойлович предложил проводить противочумные прививки.

Во время второй русско-турецкой войны 1787-1791 годов Самойлович находился в действующей армии. На Кинбурнской косе ему пришлось под вражеским огнем перевязывать раненного в руку и грудь Суворова. В письмах к Потемкину прославленный полководец особо отмечал заслуги Самойловича: «Его искусством и трудами весьма доволен».

До нашего времени дошел другой любопытный документ – брошюра Данилы Самойловича, вышедшая в 1795 году в Петербурге под названием «Начертание для изображения в живописи пресеченной в Москве 1771 года моровой язвы, которое предлагает художникам Данило Самойлович». Это было нечто вроде открытого письма с призывом «Вблизи больницы Даниловской на самом берегу Москва-реки изобразить в сопровождении разных чиновников на конях генерала Петра Дмитриевича Еропкина, на коего обращены очи множества выздоравливающих от ограды монастыря и который в то же мгновение, наехав на мертвое тело, пред ним павшее, повелевает единому из врачей той же больницы исследовать: не от язвы ли оно поражено? Врач сей, расторгнув с надлежащею осторожностью одежду с одного трупа, открыл великое на нем черно-багровое пятно...».

Обращение не осталось без ответа – в Историческом музее хранится картина «Чума в Москве 1770-1771 гг.». А нам пора выволить из забвения славное имя Данилы Самойловича – талантливого врача и самоотверженного подвижника.

Воспоминания

Воспоминания о
Льве Георгиевиче
Бондареве

1. Друг и соавтор
2. Год в одной палатке
3. О друге – коллеге
4. О друге – однокурснике
5. Несколько слов о «заочном» учителе
6. Таким он запомнится навсегда

О Лве Бондареве

Друзья и коллеги делятся своими воспоминаниями о Лье Георгиевиче Бондареве

Друг и соавтор

Рудольф Баландин

С Львом Георгиевичем я познакомился в издательстве «Мысль» после выхода его книги «Вечное движение» (1974). Она первый взгляд могла показаться излишне сухой, почти справочной: собрание конкретных материалов о перемещении веществ в биосфере. Но именно такие сведения были мне чрезвычайно полезны в двух аспектах:

- 1) динамика геоморфологических процессов и нарушение изостазии, в результате чего на контактах океанической и континентальной земной коры возникают круговороты литосферы;
- 2) глобальная техническая деятельность человека, меняющая лик Земли.

Данная основательная работа Бондарева избавляла от сбора сопоставления и обработки огромного количества фактов. Это была необычайно своевременная помощь, в частности мне, работавшему тогда над книгами «Подвижная земная твердь» и «Геологическая деятельность человечества. Техногенез».

Случай был поистине судьбоносным. Мы быстро подружились, Через некоторое время решили, что можем сделать совместный труд – достаточно оригинальный и, можно сказать, фундаментальный. Так родилась идея монографии «Природа и цивилизация». Реализация, как теперь говорят, проекта оказалась непростой. И все-таки нам это удалось сделать.

Соавторство – дело сложное. Тем более, когда каждый автор имеет собственный взгляд на многие теоретические вопросы и упорно его отстаивает (вдобавок, отличаясь немалым упрямством). Порой наши споры проходили на повышенных тонах, и добрейшая Валентина Яковлевна заглядывала к нам в комнату, по-видимому, опасаясь, что дискуссия завершится в рукопашную. Наиболее острый конфликт возник по поводу так называемой «Малой ледниковой эпохи» (на мой взгляд, явления локального, а вовсе не эпохального).

Подобные «схватки» никак не повлияли на наши дружеские отношения. Это не было борьбой самолюбий и амбиций. Шли совместные поиски истины. Во всяком случае, для меня эти дискуссии были весьма полезными. Как специалист высокой квалификации Лев Георгиевич высказывал убедительные аргументы в пользу своих концепций. Приходилось всесторонне обдумывать ту или иную спорную проблему, а это шло на пользу дела.

Нам доводилось беседовать на разные темы. На мой взгляд, у Льва была склонность к сочинению художественных произведений. Он охотно фантазировал, давая волю воображению. Неожиданно выяснилось, что нас обоих война застала в

Смоленске. Пережили мы фашистские бомбардировки, эвакуацию...

Он был чрезвычайно легок на подъем. По его инициативе мы провели три великолепных летних дня в палатке у знаменитого разреза межжелудочковых отложений близ города Чекалина. Позже Лев предлагал посетить Козельск, но тут началась «перестройка» и многое в нашей жизни изменилось, увы, не к лучшему. Не потому, что мы лично сильно пострадали от коренной ломки сложившейся социальной системы. Было «за державу обидно».

О преподавательской работе Льва Георгиевича могу судить лишь предположительно. Зная его широкую эрудицию, любовь к природе и познанию, умению толково и образно излагать свои мысли, не сомневаюсь: его ученикам просто повезло. Показательно уже одно то, что он не стремился приобретать высокие научные знания, был лишен мелочного честолюбия и стремления сделать карьеру. На мой взгляд, он продолжал лучшие традиции Московского университета, сохранившиеся еще с конца 19 века.

В этой связи вспоминаются мысли В.И. Вернадского, высказанные в связи с кончиной преподавателя Московского университета П.А. Алексата. Их с полным основанием можно отнести к Л.Г. Бондареву.

«...Ушла из русской жизни, - писал Вернадский – оригинальная, чрезвычайно своеобразная личность, шедшая своим путем, делавшая свое дело. Он был одним из тех, которые вели культурную работу русского общества... Эти люди, не укладывающиеся в рамки современного, делают будущее. Они нарушают

стремление общества к среднему, безличному. Чем больше в обществе таких людей, тем разнообразнее и сильнее его культура.

... Замкнутый в себе, живший глубокой духовной жизнью, все время стремясь к истине ради истины, (он) был далек от внешних проявлений успеха... И тем не менее, когда обзираешь его жизнь, едва ли может казаться неверным и напрасным избранный им путь, ибо, идя этим путем, он пронес через жизнь незагасшей ту искру, которая горела в его душе и в сиянии которой был и есть настоящий смысл жизни».

Год в одной палатке

А.П. Горбунов

Мое знакомство со Львом Георгиевичем Бондаревым состоялось летом 1956 на Арабельских сыртах Внутреннего Тянь-Шаня, на абсолютной высоте около 3700 м. Дружба наша продолжалась в течение 49 лет. В моих воспоминаниях сохранилась картина нашей первой встречи. Две-три палатки, несколько лошадок около них, свежий летний снежок, припорошивший все вокруг. Из палаток к газику, доставившего меня, моего спутника и спутниц – Владимира Зайцева, Валю Лашину, почвовед-выпускницу геофака МГУ и Галю Погодину, дипломницу геофака – из Приссыккульского села Покровки. К месту нашей встречи, выскочили обитатели палаточного городка. Среди них был еще совсем молоденький выпускник МГУ – Лев Бондарев. От Зайцева я уже был о нем наслышан. Он де по своему характеру и облику несколько напоминает образ жульверновского Паганеля. По-моему, характеристика во многом верная и весьма привлекательная.

Наш маленький экспедиционный отряд жил слаженно и даже весело. Иногда, правда, общение коллег будоражил диспут. Он

касался Сталина. Одна фракция (Лев и я) считала его плохим во многих отношениях, другая – (аспирант Киргизского университета С. Байгуттиев) относил его к числу вождей всех времен и народов. Женская часть отряда сохраняла дружественный по отношению к первой фракции нейтралитет. Но эти расхождения не отражались на наших полевых работах.

Юмор был у нас в ходу. Мы решили даже в шутку создать некое самостоятельное микросоударство – Свободную республику Арабель. Столицей республики стал город Нью-Тютек (для непосвященных: тютек – народное киргизское название горной болезни). Был у нас и президент В. Зайцев и другие должностные лица. Бондарев попал в число маршалла-иссимусов, а по совместительству стал министром культуры и науки. Отсутствовал, правда, обычный народ. Но это нас не огорчало: нет народа – нет проблем.

С Львом Бондаревым мне довелось участвовать, как помнится, в 8 экспедициях на Тянь-Шань. По моим подсчетам, за это время мы прожили в одной палатке не менее одного года. Иногда наш микроотряд состоял из трех человек – Бондарев, я и коногон. Последним обычно был дядя Коля – коренной житель Покровки. Лев очень похоже воспроизводил особенности говора дяди Коли.

Мы активно содействовали друг другу. Лев безропотно помогал мне в рытье шурфов и зачистке обнажений. Труд этот тяжок, а на абсолютных высотах 3500-3800 м – особенно. Я его часто сопровождал в поездках на ледники. Но эта моя помощь не шла в сравнение с тем, что для меня делал мой молодой друг.

И во время земляных работ нас не покидал юмор. Помнится, как на Тарагайских сыртах, на высоте около 3600 м, мы рыли глубокую траншею на склоне огромной термокарстовой депрессии, которая образовалась за счет вытаявания массива погребенного глетчерного льда в позднеплейстоценовой морене. Наш тяжелый труд продолжался несколько дней. Он навеял сравнение с лагерной повседневностью в недалеком тогда сталинское время. Кто-то из нас начал импровизацию. Кажется, я спросил Льва: за что браток ты попал? А дальше пошло-поехало. Лев стал рассказывать, как он, будучи завом сельского клуба, однажды недоглядел. Открылся занавес во время какого-то торжественного собрания, и зрители узрели на сцене портрет Сталина, висящий «кверху ногами». Что тут было! Последовал арест, следствие, «тройка» и отправка в лагерь. Определили ему земляные работы. На прощание следователь сказал, что он легко отделался: могла бы быть и «вышка». Я тоже поделился своими «воспоминаниями». Мою вину перед Отечеством следователь связал с Н.К.Рерихом,¹ которому, американскому агенту, я передавал секретные сведения по экономике Монголии. Вот так мнимые «зеки» разнообразили свою деятельность на сыртах Тянь-Шаня. Сознаюсь, шутки эти были мрачноваты, но они отражали недавние события пятидесятих годов прошлого столетия.

Многое случалось в нашей экспедиционной жизни. Иногда свершали открытия, которые потом благополучно и со смехом закрывали. Так, однажды обнаружили близ горного массива Ак-Шийрака два гранитных валуна. Возник вопрос: как они сюда попали? Ведь кругом известняки! Вот мы и создали ледниковую гипотезу – их сюда доставил древний ледник. Но вдруг: во вьюке проезжавшего мимо чабана узрели валуны, схожие с нашими. Их

иногда вставляют на ходу под веревку во вьюк для уравнивания поклажи. А во время перевьючивания валуны выбрасываются. Пришлось отставить ледниковую гипотезу, заменить ледник на лошадь.

За полувековую нашу дружбу у нас не было ссор, всегда ровные отношения, постоянный обмен знаниями, предположениями, советами. Нас сближала неистребимая любознательность. Меня всегда поражала обширная эрудиция Льва. Диапазон его интересов был необыкновенно широк: современное и древнее оледенение Тянь-Шаня, палеогеография, микроэлементы в природе, влияние свинцового отравления на элиту древнего Рима и русских царей времен Ивана Грозного, воздействия древних цивилизаций на природу, жизнь бобров и многое, многое другое. Он обладал легким пером: писал много и хорошо. Был замечательным популяризатором науки. Истины ради не останавливался перед научным диспутом с маститыми учеными. О научной значимости его публикаций свидетельствуют многочисленные ссылки на его труды в самых различных статьях и монографиях.

Лев Бондарев относился к той категории исследователей, которые, не имея высоких ученых степеней и званий, обладают всеобщим признанием в мире науки. Нет сомнений, что Лев Георгиевич по своему вкладу в науку много лет тому назад мог бы стать доктором географических наук. Но ему было недосуг: он не хотел тратить драгоценное время на формальную процедуру вхождения в высокие ученые степени и звания.

После переезда семьи Бондарева из Покровки в Москву, где он стал трудиться в качестве доцента в МГУ, наша дружба

продолжалась, стало у нас традицией в мои частые визиты в Москву встречаться друг с другом в стенах МГУ и за гостеприимным столом в доме моего друга. В те времена, когда у меня не было пристанища в Москве, я находил оное в доме Бондаревых. Здесь я себя чувствовал вольготно, было приятно предаваться воспоминаниями о наших прошедших экспедиционных буднях. Мы невольно молодели, как это замечательно! Возвращался я к себе в Алма-Ату обновленным, увозя из Москвы творческие идеи, которые были рождены во время наших многочасовых бесед.

Свои воспоминания о друге хотелось бы закончить словами: Лев Георгиевич Бондарев мог бы сделать еще многое, но случилось то, что случилось. Однако он оставил глубокий след в науке и память о нем - в его трудах.

А.П. Горбунов (доктор географических наук, профессор),
январь 2006 г. Алма-Ата.

О друге - коллеге

Лев 1 о Льве 2

С Львом Бондаревым мы хорошо познакомились в 1965 году на симпозиуме гляциологов на Иссык-Куле! Я как-то сразу почувствовал его человечность и большую скромность буквально во всем. Это был энтузиаст в науке, он ее любил, вместе с тем, это был и педагог! Это давало ему возможность писать монографии и бесчисленные статьи и тезисы!

Вот они лежат на столе перед моими глазами! Удивляюсь еще раз открывая их! Как нужно было много читать, обобщать и писать. Да, он был не доктор наук и не профессор, но это только формально, а на самом деле мы (и я тоже) потеряли крупного ученого – педагога. Любую из его работ и монографий я бы причислил к достижениям нашей науки! Они необходимы для лекций, а некоторые готовые лекции - интересные и поучительные! Их использовать можно для лекций по земледелию, климатологии, геоморфологии, гляциологии, четвертичной геологии и др.

географическим наукам и не даром оттиски его работ у меня были всегда в спросе наших сотрудников.

Последний раз в Москве я был проездом, возвращался с Кавказа и болел после перенесенного в Ессентуках гриппа, лежал у сестры. Позвонил Льву Георгиевичу и у нас произошел обмен мнениями о моих задумках в науке. Он меня поддержал в моем желании применить понятие парагенеза в геоморфологии. С тех пор, а это было в 1986 г. я опубликовал в Иркутском Институте Географии небольшую книжку на эту тему.

О друге-однокурснике

К.С. Лазаревич

Сентябрь 1951 года. В небольшой аудитории Географического факультета МГУ на Моховой собралась только что сформированная вторая группа первого курса геофака. Еще еле-еле знаем друг друга в лицо. Знакомимся. Встают поочередно, по списку.

Зовут Ольга.

Да нет, называйте себя так, как к вам потом обращаться. Оля?

Нет, обычно зовут Лёля.

Ладно, будешь Лёля. Дальше. Бондарев!

Встает худенький юноша с темными выющим чубчиком, свисающим на лоб.

Зовут Лев...

Почему-то все засмеялись – очень уж не львиная внешность. Но репутация у студента Льва Бондарева с самого начала была такая, что первая четверка, полученная им на первой сессии, была воспринята как неудача, товарищи тут же сказали – иди, пересдавай! Не помню, пошел ли он пересдавать, но товарищи в течение всех пяти университетских лет ожидали от него самых высоких результатов, и такие результаты всегда были.

Какой-то неожиданный сбой произошел на защите дипломной работы. Сразу было видно, что материал собран интересный, но доложил Лев излишне кратко, так что пришлось вытягивать из него информацию вопросами. Кафедра была в недоумении – как оценивать? И тут высказался Иван Семенович Щукин, который обладал авторитетом не только как заведующий кафедрой, но и как крупнейший специалист по геоморфологии Средней Азии.

“ Схема иссык-кульских террас, предложенная дипломантом, - сказал Щукин, – представляется мне лучше схемы академика Герасимова.”

Это было сказано в период взлета блестящей научной карьеры И.П. Герасимова, когда его мнение многие считали непререкаемым. Лев получил вполне заслуженную пятерку.

Талант серьезного исследователя сочетался у Льва с неистощимым чувством юмора, которое окружающие обычно оценивали не сразу, потому что всем шуткам – «словом, делом или помышлением» – сопутствовало серьезное, иногда почти унылое выражение лица. Лев мог прийти к товарищу на день рождения с длинным-длинным рулоном бумаги и развесить его по всему

периметру комнаты, после чего присутствующие долго решали изображенный на этой бумаге ребус, состоящий из фотографий, фрагментов карт, собственных его рисунков и всего, что только можно в ребусах использовать; ребус был, конечно, к случаю, с указанием заслуг героя торжества и пожеланием ему всего лучшего.

Самые интересные и остроумные тосты за столом – всегда у Бондарева. Вот, например, что было сказано на пятидесятилетии нашей однокурсницы:

Повод, по которому мы здесь собрались, в сущности говоря, грустный повод. Но я не вижу уныния, а вижу веселые, радостные лица. В чем же причина? А причина в том несоответствии, я бы сказал, разительном несоответствии между тем, (*драматическим тоном*) что мы отмечаем, и тем (*жест - в сторону хозяйки*), что мы видим. Предлагаю тост за это несоответствие.

Письма Льва были, как правило, лаконичны, но удивительно информативны. То, что иной раз весть бы на пяти страницах, он умел изложить на одной, причем это не был перечень фактов, всегда за этой краткостью чувствовался автор.

Кандидат географических наук К.С. Лазаревич.

Несколько слов о «заочном» учителе

Д.В. Севастьянов

Когда я был еще студентом и попал на практику в Киргизию на Тянь-Шаньскую физико-географическую станцию в Покровку, я познакомился впервые с Львом Георгиевичем. А познакомили меня с ним Евгений Владиславович Максимов и Арсений Владимирович Шнитников. Евгений Владиславович был руководителем моей дипломной работы в университете, а потом Арсений Владимирович – моим научным руководителем в аспирантуре Института озероведения АН СССР.

Помню, как в экспедиции мы все вместе с Львом Георгиевичем поднимались по долине р. Барскаун к ледникам хр. Терской-Алатоо, и он нам рассказывал о своих исследованиях и идеях, касавшихся блоковых тектонических движений на Тянь-Шане. Хорошо запомнил, как он показывал нам тектонические разломы, зеркала скольжения, обвалы горных пород и ледников. Я заворожено слушал его потрясающе интересные наблюдения и гипотезы, пытался впитать его идеи, которые мне очень

понравились. Позже я пытался активно развивать эти идеи, изучая ледники и горные озера Тянь-Шаня и Памира. Так что, могу сказать, что Лев Георгиевич Бондарев, безусловно, был моим заочным учителем в области горной геоморфологии и тектоники Тянь-Шаня. Мои непосредственные учителя – Е.В. Максимов и А.В. Шнитников, которые знали его лучше меня, всегда с большим уважением говорили о Льве Георгиевиче и высоко ценили его работы, ссылались на него в своих разработках. А.В. Шнитников ушел из жизни в 1983 г., а Е.В. Максимов – в 1999 г. Теперь вот и Лев Георгиевич – в 2005 г. Вечная ему память.

У меня на книжной полке есть книга Льва Георгиевича «Ледники и тектоника» с его дарственной надписью, которая была моим настольным пособием при написании кандидатской диссертации об истории развития высокогорных озер во Внутреннем Тянь-Шане. А также, крайне интересная, мастерски написанная им научно-популярная книжка «Вечное движение» о планетарном перемещении и круговороте твердых веществ. Мне было очень приятно, что Лев Георгиевич любезно откликнулся на мой автореферат и прислал положительный отзыв на диссертацию, которую я защитил в 1976 году.

Потом, уже в 1980-х годах мы с ним иногда встречались в МГУ, когда я приезжал на какие-нибудь совещания и конференции в Москву и заходил к нему на кафедру. Он всегда дарил мне оттиски своих новых статей, содержание которых для меня неизменно представляло большой интерес. Кроме того, не могу не отметить, что писал он всегда не только с глубоким знанием

предмета, но и с большим мастерством, поэтому читать его работы всегда интересно и приятно.

Теперь я учу студентов на факультете географии и геоэкологии СпбГУ. В своих лекциях о горах и ритмах в природе я всегда рассказываю студентам о выдающихся исследователях природы гор – моих учителях, ушедших из жизни. Теперь к ним я буду добавлять и имя Льва Георгиевича Бондарева.

Из письма Д.В. Севастьянова,
адресованного В.Я. Бондаревой,
24 марта 2006 г.

Таким он запомнится навсегда

Е.К. Баков

Печально, но не стало еще одного трудоголика – Льва Георгиевича, человека порядочного и скромного, человека большой эрудиции, вся сознательная жизнь строго была отдана служению науке и просвещению.

Со Львом Георгиевичем я познакомился весной 1963 г. будучи студентом Киргизского Государственного университета. Нам, второкурсникам географического факультета, сообщили, что вместо очередной лекции по землеведению, будет доклад молодого московского ученого, работающего на Тянь-Шанской физико-географической станции АН Кирг. ССР, на тему «Оледенение массива Ак-Шийрак». Нам представилось, что сейчас увидим перед собой рафинированного, самоуверенного и по-московски экипированного ученого. Каково же было наше удивление, когда в аудиторию вошел среднего роста, худощавый брюнет со слегка выющимися волосами, весьма скромно одетый (без пиджака), и скромно расположился на крайнем сидении пока его представляли. Полтора часовая лекция о ледниках внутрен-

него Тянь-Шаня, рассказанная живым научно-популярным языком, произвела на меня такое впечатление, что я, к тому времени еще не определившийся в «узкой специализации», твердо решил всерьез заняться гляциологией и уже летом попросился в гляциологический отряд Управления гидрометео-службы, занимающийся картированием ледников. А в 1965 г. проходил практику в гляциологическом отряде Тянь-Шанской станции.

По окончании университета я, как «специалист-гляциолог» распределился на станцию, где уже непосредственно стал коллегой Льва Георгиевича. К сожалению, спустя два года Лев Георгиевич перебрался в Москву (МГУ), но и за это время на станции многое почерпнул от Л.Г. Бондарева и узнал о нем, в результате чего еще больше укрепился его авторитет в моих глазах начинающего исследователя. Я узнал, например, что «Лев» как просто все звали его на станции, еще будучи не кандидатом наук, успешно «сразился» с самим академиком И.П. Герасимовым по части палеогеографии Иссык-Куля, («Еще раз о палеогеографической загадке оз. Иссык-Куль» (1958), и дальнейшие исследования подтвердили правоту Льва Георгиевича. Кроме гляциологии и палеогеографии Лев Георгиевич прекрасно разбирался в проблемах геоморфологии и мерзлотоведения, (Суффиозные явления..., 1960; Современное оледенение и мерзлота..., 1960; Глинистый карст..., 1960; Эоловые пески..., 1966), гидрологии и палеогеографии в целом// Солевой баланс оз. Иссык-Куль, 1962; Подводные долины..., 1962; Древние береговые линии..., 1968; Наледи Тянь-Шаня..., 1969; Вопросы палеогеографии..., 1961 и др.). Поражала его научная интуиция. Так еще в начале 60-х годов, когда только-только в Европе и у нас стали

появляться первые данные по определению абсолютного возраста отложений, Лев Георгиевич, на основании только геоморфологических характеристик достаточно точно определил время климатического оптимума в горах Тянь-Шаня и параметры климатических показателей для него, что подтвердилось позже результатами радиоуглеродного датирования и палинологическими данными (см. «Опыт палеоклиматических реконструкций...» 1970).

Наряду с научными разработками, Лев Георгиевич интенсивно пропагандировал успехи науки в местных, союзных и международных научно-популярных изданиях («Вечное движение», 1974, Суша отвоеванная у моря, 1979») и более поздние публикации – «Микроэлементы: благо или зло», «Природа и цивилизация» (в соавторстве). И когда в 1975 г. вышла из печати монография «Ледники и тектоника», по мнению многих «тянувшая» на докторскую диссертацию, о чем и говорили Льву Георгиевичу, то он отвечал, что у него сейчас имеется много других идей и «отвлекаться на удовлетворение собственных амбиций не хочет».

Бывая у него дома, будь-то в Бескудникове, Чертанове или уже на Кировоградской, я удивлялся рабочей обстановке в его кабинете – книги, словари, справочники, выкопировки, рукописи, вырезки из газет лежали повсюду – на столе, вокруг старенькой пишущей машинки, на тумбочках, на диване и даже на полу. Как он ориентировался среди этого «рабочего материала», непонятно, но он точно знал, где, что и по какому вопросу и проблеме лежит, поэтому мог одновременно работать по нескольким направлениям.

Лев Георгиевич, очень много работал, он всегда, несмотря на свою занятость, если к нему приходили-приезжали коллеги, он и его семья (Валентина Яковлевна) оказывали самое радушное гостеприимство; и кормили, и развлекали: Лев Георгиевич мог поиграть и в шахматы, и в нарды, или в преферанс, и настольный теннис, как это было в Киргизии.

Последний раз я встречался со Львом Георгиевичем в начале 2001 г., когда обсуждали проект совместной статьи о проблемах древнего оледенения Тянь-Шаня (последний вариант ее в связи с болезнью Лев просмотреть не успел). Покидая тогда квартиру гостеприимного хозяина, я невольно мысленно «запечатлел» образ человека, внесшего, по моему глубокому убеждению, весомый вклад в географическую науку и в мою жизнь: по-прежнему сухощавый, с поредевшими, но все еще вьющимися волосами, узкой, клинышком бородкой, в простой домашней одежде, босой (любил закаливание) и по-прежнему с искорками в глазах.

Таким он и запомнился, простым и скромным, как и при первой нашей встрече.

Кандидат географических наук, доцент Арзамасского государственного Педагогического института Е.К. Баков

© 2016, Бондаревы и авторы воспоминаний

Электронная книга,
Москва, 2016.

Редактор И.П. Второв

